

ТЕАТР

ВЕЧНО ЮНАЯ ОПЕРЕТТА

Театр оперетты Кузбасса в свой нынешний приезд в Новокузнецк привез четыре спектакля (добавим — известнейших и популярных среди поклонников жанра) из классического репертуара. Две оперетты И. Штрауса сына — «Цыганский барон» и «Летучая мышь», «Веселую вдову» Ф. Легара и «Графиню Марицу» И. Кальмана.

Творчество И. Штрауса сына явилось своего рода кульминацией развития венской оперетты конца XIX столетия. Музыкальная драматургия большинства штраусовских оперетт, насыщенная развернутыми ариями, сценами-ансамблями, кульминационными финалами, тяготеет к итальянской комической опере. И в то же время широко использовались народно-бытовые интонации, национального фольклора (например, венгерского в «Цыганском бароне») обеспечили, несмотря на сложные оперные формы, широкую доступность, а следовательно, и популярность этой музыки.

Творчество И. Кальмана и Ф. Легара также является высшей точкой расцвета, но уже следующего периода венской классической оперетты, получившего в музыкальной литературе название «неовенской». Обращаясь к современной теме (десять—двадцать годы нашего века), они не только расширяли рамки своих произведений, но и углубили психологический аспект (правда, в пределах любовного конфликта), расширяли образно-эмоциональный диа-

пазон. В музыкальном отношении, придерживаясь определенных национальных традиций, они смело вводят в ткань партитуры ритмы современных танцев (вальса-бостона, танго, фокстрота и т. д.). Драматургия оперетты строится на резких контрастных сопоставлениях лирических и комических сцен.

В постановках классического репертуара театр оперетты Кузбасса в основном придерживается традиционной трактовки и образной, и музыкальной сторон спектаклей. Но есть и определенные находки. На мой взгляд, самое главное, что можно сказать о постановках классического репертуара, — это верное понимание самой сущности жанра оперетты — его легкость, веселость и развлекательность. И, конечно, музыкальность. В большинстве сцен музыка царит не только в вокальных партиях, но и определяет ритм и темп спектакля, его характер.

О «Графине Марице» уже писалось, поэтому коснусь трех спектаклей классического репертуара. Во всех спектаклях блестящий актерский ансамбль. Порою кажется (особенно в комических сценах), что актеры баландируют на грани допустимого, еще мгновение — и гротеск превратится в карикатуру. Но нет — актеры нигде не переступают эту грань. Условность персонажей воспринимается, как сказочная реальность с ее неуемной фантазией и блеском.

Великолепен и так непо-

хож артист В. Пономарев в этих трех спектаклях. Разбитной, плутоватый Стефан («Цыганский барон») с его вихревой энергией, насмешливо-покорный Франк («Летучая мышь»), наполненный неусыпным юмором ви-конт Каскада («Веселая вдова»). И ни одного повтора. У каждой роли свой неповторимый сценический рисунок. А сколько разнообразных красок применяет актер А. Бавилов. Никакого парочитого комикования. От чисто комического, но со своей «правдивой» философией Зупана («Цыганский барон») до гротескового, постоянно измывающегося «под градусом» дежурного торьма («Летучая мышь»). Все свои роли актер ведет на «полном серьезе» — и вызывает прекрасный комический эффект. И снова никаких повторов найденных актерских приемов для той или иной роли.

Актеры обладают высоким искусством перевоплощения. Обратите внимание, как заслуженная артистка РСФСР А. Зибольд выстраивает столь разные роли, как простушка Мирабола в «Цыганском бароне» и главная героиня «Веселой вдовы» Ганна Гланари. Меняется и психологическое состояние героини, и внешний рисунок роли: осанка, походка, манеры, даже в какой-то степени тембр голоса.

При всей разности степеней природных вокальных данных актеры безупречно владеют вокалом, что и создает прекрасный, целостный актерский ансамбль. Хотелось особенно выделить двух

ведущих актеров — Н. Привалову и П. Карпова. Этот дуэт как бы создает в спектаклях свой особый мини-ансамбль, гармонически вписываясь в общую ансамблевую структуру. Оба обладают прекрасными вокальными данными и не менее интересной внешностью. Глубокое сопрано (близкое, особенно в низком регистре, к меццо) актрисы великолепно гармонирует с богатым тембровыми оттенками лирико-драматическим тенором актера. При всей противоположности актерских инструментов (глубокий, светло-лиричный — актера) создается единство образов, тот музыкально-драматический стержень, который объединяет спектакль в единое целое.

Говоря о превосходном актерском ансамбле, не могу остановиться на некоторых, порой весьма существенных недостатках, присущих постановкам в целом.

Оперетта — особый, снотетический жанр, все компоненты которого играют значительную роль в создании целого. Огромную роль играет музыка. Особенно в классической оперетте. И это не только великолепные партии актерского ансамбля, но и оркестр, и хор, и балет. И в первую очередь, конечно, оркестр. Ведь в классической оперетте с ее разнообразными оперными формами на оркестре лежит вся ответственность за музыкальную сторону спектакля. Звучание оркестра (главный дирижер Б. Дельман) оставляет желать

много лучшего. Особенно это заметно было в «Цыганском бароне». Малочисленность состава нарушила пропорциональность и равновесие в звучании оркестровых групп, что не могло не сказаться на общем качестве музыкального материала. Образовались тембровые пустоты, что мешало восприятию спектакля. В последующих спектаклях («Летучая мышь», «Веселая вдова») оркестр играл значительно лучше.

Малоприятно звучал в «Цыганском бароне» и хор (хормейстер — заслуженный работник культуры РСФСР И. Юркевич). Печистое интонирование (особенно это ощущалось в унисонных звучаниях), ритмические расхождения с оркестром, статические мизансцены затягивали общий ритм спектакля, придавая ему тяжеловесность (истины ради надо сказать, что эти недостатки почти не ощущались в «Графине Марице»). За небольшими исключениями тяжеловесен в спектаклях и балет (балетмейстер Л. Фарбер). Ему не только не хватает подвижности, легкости, изящества. Некоторым танцовщицам и танцовщикам недостает и технического мастерства.

Безусловно, все это исправимо. Своими постановками классического репертуара театр доказывает и подтверждает, что в классике есть еще много неизвестного и неоткрытого, что ее вечная молодость никогда не иссякнет.

В. АННЕНКОВ.